

УРБАНИЗМ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что проблемы урбанизма и цивилизации в творчестве В. Маяковского существуют как определяющие. Увлечение урбанистической тематикой пришло к Маяковскому с увлечением футуризмом. Характерной для российских художников и поэтов-футуристов явилась эстетизация техники и урбанистической культуры. Исходной точкой технических исканий футуристов стала динамика, стремительный темп современной жизни и современного города. Другой причиной урбанистических предпочтений футуристов явилась полемика с принципами символистов и акмеистов. Эстетизму поэзии символистов и акмеистов футуристы противопоставили демонстративную деэстетизацию. В их произведениях приоритет отдавался реальности, до того не затронутой или мало затронутой в художественном творчестве. Поэтический интерес вызывали предметы, лишь недавно внедренные в обиход; в основном это была материальная культура города, что и вылилось в урбанизм. В творчестве футуристов отразилась динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города с его, выражаясь словами Маяковского, «шумами, шумиками, шумищами», светящимися огнями заводов, уличной суматохой, ресторанами, толпами движущихся масс.

В. Маяковский в период пребывания «истинным» футуристом (скоро он перестает быть футуристом в изначальном смысле этого слова) вырабатывает своеобразный плакатно-гиперболический стиль, выкрикивающий короткий стих, «фривольные строки», удачно найденные для передачи ритма современного города. Однако скоро социальная тематика начинает вытеснять самоценные до того кубистские урбанистические пейзажи, а если элементы кубизма и сохраняются в стихах Маяковского, то они приобретают социальную функцию. Восприятие города глазами выражающего страдания его людей-«пленников» лирического героя сообщает городскому пейзажу дооктябрьского Маяковского апокалипсические черты. Цивилизация же современного города для послеоктябрьского Маяковского явилась воплощением его сокровеннейшей дооктябрьской мечты – мечты футуристов о приближении будущего к настоящему, ее материальным воплощением.

Ключевые слова: Маяковский; футуризм; урбанизм; цивилизация; художественный мир.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru.

О. М. Kultysheva

URBANISM AND THE PROBLEM OF CIVILIZATION IN THE CREATIVITY OF V. MAYAKOVSKY

Abstract. This article is based on the fact that the problems of urbanism and civilization in the works of V. Mayakovsky exist as defining. Passion for urban themes came to Mayakovsky with enthusiasm for Futurism. Characteristic for Russian artists and poets-futurists was the aesthetics of technology and urban culture. The starting point of the technical searches of the Futurists was dynamics, the rapid pace of modern life and the modern city. Another reason for the urbanistic preferences of the Futurists was a polemic with the principles of the Symbolists and Acmeists. To the aestheticism of the poetry of the Symbolists and Acmeists, the futurists opposed demonstrative de-aesthetization. In their works, priority was given to reality, which had not been touched upon or touched upon in art. Poetic interest was caused by objects that had only recently been introduced into everyday life; basically it was the material culture of the city, which resulted in urbanism. In the creative work of the Futurists, the dynamics, huge scope and titanic power of the modern industrial city were reflected with it, in the words of Mayakovsky, «noises, noises», glowing factory lights, street turmoil, restaurants, crowds of moving masses.

V. Mayakovsky during his stay as a «true» futurist (he soon ceases to be a futurist in the original sense of the word) develops a peculiar poster-hyperbolic style, shouting a short verse, «torn lines», successfully found to convey the rhythm of a modern city. However, soon the social theme begins to supplant the self-valuable Cubist urban landscapes before, and if elements of cubism are preserved in Mayakovsky's poetry, then they acquire a social function. Perception of the city through the eyes of the suffering people «captives» of the city of the lyrical hero tells the urban landscape of the pre-October Mayakovsky apocalyptic features. Civilization of the same city for the post-October Mayakovsky was the embodiment of his most intimate pre-October dream – the dream of the futurists about the approach of the future to the present, its material embodiment.

Key words: Mayakovsky; futurism; urbanism; civilization; artistic world.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University.

Проблемы урбанизма и цивилизации в творчестве В. Маяковского существуют как ведущие, определяющие. Увлечение урбанистической тематикой пришло к Маяковскому с увлечением футуризмом. Как известно, характерной для российских художников и поэтов-футуристов явилась, помимо прочего, эстетизация техники и урбанистической культуры. В свою очередь, исходной точкой технических исканий футуристов стала динамика, стремительный темп современной жизни и современного города. И. Игнатьев в манифесте «Эгофутуризм» (1913) писал о причинах любви футуристов к динамике: «В быстроте залог сознания силы, а чувство мощи и независимости от условий природы, появляющееся в легком и непринужденном преодолении ее преград, заставляет художника вспоминать о свободных <...> переживаниях его в момент озарения» (Литературные манифесты ... 1929: 68). И.Ю. Иванюшина, ссылаясь на автобиографию «Я сам!» (1922. 1928), заключает, что «Маяковский с детства отдает предпочтение искусственному, рукотворному перед органическим, природным» (Иванюшина 1992: 14).

Нелюбовь футуристов к природному, естественному, стремление обрести чувство уверенности за счет приобщения к мощи цивилизации, в том числе городской, были чем-то сродни отчуждению от природы акмеиста Мандельштама. Мандельштам периода «Камня» (1913) природу как таковую воспринимает отчужденно, а то и враждебно. Это мироощущение сугубого горожанина, которого «дикая» природа пугает и отталкивает. Предпочтение материальной культуры природному миру раскрывается уже в начальных строках стихотворений («Я ненавижу свет / Однообразных звезд. / Здравствуй, мой давний бред, – / Башни стрелчатый рост!» – «Я ненавижу свет...» (1912) (Мандельштам 1991: 60), «Я вздрагиваю от холода – / Мне хочется онеметь! / А в небе танцует золото – / приказывает мне петь» – «Я вздрагиваю от холода...» (1912, 1937) (Мандельштам 1991: 58).

Другой причиной урбанистических предпочтений футуристов явилась полемика с принципами «старших современников» – символистов и акмеистов. Эстетизму поэзии символистов и акмеистов футуристы противопоставили демонстративную деэстетизацию. В их произведениях приоритет отдавался реальности, до того не затронутой или мало затронутой в художественном творчестве. Поэтический интерес вызывали явления, которые не принято было отображать в искусстве (как-то: проституция, пьянство, венерические болезни), а также предметы, лишь недавно внедренные в обиход; в основном это была материальная культура города, что и вылилось в урбанизм. В творчестве футуристов отразилась динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города с его, выражаясь словами Маяковского, «шумами, шумиками, шумищами», светящимися огнями заводов, уличной суматохой, ресторанами, толпами движущихся масс.

В. Маяковский в период пребывания «истинным» футуристом (скоро он перестает быть футуристом в изначальном смысле этого слова) вырабатывает своеобразный плакатно-гиперболический стиль, выкрикивающий короткий стих, «рванные строки», удачно найденные для передачи ритма современного города, движения населяющих город многочисленных масс:

У -
лица.
Лица
у
догов
годов
рез -
че...

(«Из улицы в улицу» (1913) (Маяковский 1955: 38)

В своих первых футуристических стихах Маяковский создает урбанистические пейзажи, характерные для живописного кубизма с его принципом передачи динамики через «совмещение контуров»:

Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни
(«Из улицы в улицу», 1913) (Маяковский 1955: 38)

Или:

Вывески разинули испуг.
Выплывывали
то «О»,
то «S»
(«В авто», 1913) (Маяковский 1978а: 69)

В стихотворении «Ночь» (1912) ночной городской пейзаж изображается также в живописной кубистской традиции – в смене цветовых эпитетов и метафор:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

(Маяковский 1978а: 65)

Однако очень скоро Маяковский отказывается от построения образов в «стиле кубизма» и заявляет: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства» («Без белых флагов» (1914) (Маяковский 1978b: 51)). Социальная тематика начинает вытеснять самоценные до того кубистские урбанистические пейзажи, а если элементы кубизма и сохраняются в стихах Маяковского, то они приобретают социальную функцию. Маяковский становится известен как поэт города.

И.Ю. Иванюшина пишет: «Город <...> существует в сознании Маяковского в двух ипостасях: современный город – «адище», революционный Петроград, нэповская Москва и город будущего, город солнца, город-сад» (Иванюшина 1992: 15). До революции в зарисовках городского пейзажа отражается у Маяковского преимущественно социальная тема (город для поэта – ад, «адище», воплощение общественных контрастов). Городской пейзаж Маяковского очеловечен образами страдания людей-«пленников» города («Адище города», «Из улицы в улицу», «Еще я»)¹. В подобном решении городской темы у футуриста-урбаниста Маяковского есть нечто общее с неокрестьянским поэтом Н. Клюевым – это образ лирического героя, страдающего в городском аду, характерный для творчества Клюева и особенно для дооктябрьского творчества Маяковского. В мироощущении героя Клюева город предстает «каменным адом», «адом электрическим»; в железном начале города – мертвенность, апокалипсические предвестия:

Ваши песни – стоны молота,
В них созвучья – шлак и олово;
Жизни древо надколото,
Не плоды на нем, а головы.

¹ Образы безмерного страдания людей-пленников «адища города», характерные для дооктябрьского творчества Маяковского, по словам Л.А. Спиридоновой, восходят к целому ряду подобных в литературе конца XIX – начала XX века: «Чудовищный город, где люди ничтожны и бесцветны, “желудок из камня и железа”, перемалывающий людские жизни, – символический образ, имеющий параллели в литературе конца XIX – начала XX века. Среди них “город-спрут” Верхарна, “мучительно-тесная громада домов” у Бальмонта <...>, “каменный плен” Горького. Горький изображает город с помощью грандиозной развернутой метафоры: улица – скользкое алчное горло, локомотивы – черви, копошащиеся на его груди» (Спиридонова (Евстигнеева) 1977: 46).

У подножья кости бранные.
Череп с крошечным хохотом...

(Клюев и др. 1999: 127–128)

Восприятие города глазами лирического героя как выразителя мироощущения городских мучеников сообщает городскому пейзажу дооктябрьского Маяковского черты конца света:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

<...>

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз –
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

(«Адище города», 1913) (Маяковский 1955: 55)

Однако после Октября вместе с изменением общей тональности творчества Маяковского под влиянием надежд на кардинальное изменение социальной ситуации в стране город становится для поэта воплощением мечты: средоточием фешенебельных «электрических услуг» («Мистерия-буфф», 1918), поводом для гордости за «дело рук человеческих» («я горд / вот этой / стальной милей, / живьем в ней / мои видения встали – / борьба / за конструкции / вместо стилей, / расчет суровый / гаек / и стали» – «Бруклинский мост», 1925) (Маяковский 1957b: 85). По мнению И.Ю. Иванюшиной, «город как упорядоченное, организованное по воле человека пространство безусловно связан с утопией. <...> В урбанистической утопии особое место отводится науке и технике. Демиургические склонности человека XX века наиболее последовательно способны проявиться именно в технике. <...> Маяковский явно утопизировал технику. Для него наука, техника <...> – средства для достижения утопических целей» (Иванюшина 1992: 15).

В то время как недавний единомышленник Маяковского в решении городской темы Клюев продолжает воспевать гармоничный космос крестьянского быта, противопоставляя его образу всего гибельного для него, враждебного, несущего зло разрушения того, что свято для крестьянина, – образу города, Маяковский восхищается городским механизмом.

Городская тема у Клюева насыщается мотивами разрушительного воздействия цивилизации и технического прогресса. Лирический герой Клюева испытывает ужас перед наступающей всеохватной урбанизацией. Таковы, например, переживания лирического героя стихотворения «Мы – ржаные, толоконные...» (1918) из цикла «Сергею Есенину», в котором милый Клюеву мир крестьянской деревни противопоставляется миру «чугунного» города по принципу оппозиции:

Мы – ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы – чугуны, бетонные,
Электрические, млечные.
Мы – огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные...

(Клюев и др. 1999: 127)

По словам К. Азадовского, «то, что противостоит Природе и Деревне – Культура, Город, Интеллигенция, Фабрика, – обличалось Ключевым как проявление адских и дьявольских сил» (Азадовский 1991: 6).

Не таково отношение к городской цивилизации послеоктябрьского Маяковского. Цивилизация современного города для него явилась воплощением его сокровеннейшей дооктябрьской мечты – мечты футуристов о приближении будущего к настоящему, точнее, ее материальным воплощением. В цикле «Стихов об Америке» (1925–1926) поэт воспекает кульминацию инженерной мысли, воплощенную в городской архитектуре:

Асфальт – стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки –
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока –
стриты.
А между –
(куда их строитель завез!) –
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие –
длиной до луны.

(«Бродвей», 1925) (Маяковский 1957b: 55)

Маяковский становится в оппозицию к тем поэтам, которые воспевали патриархальный уклад русской деревни, противопоставляя его «бездуховному вторжению» городской цивилизации. Прежде всего к Н. Ключеву, непримиримому борцу с апологетами «железа» пролеткультовцами В. Кирилловым и М. Герасимовым, а также к С. Клычкову, который выступал в своем творчестве против тотального наступления на человека техники. Обыграв мотив противостояния природного и железного, Клычков создал символический образ черта, приделавшего человеку вместо души гайку, и призвал к спасительному для человеческой души возвращению к природе:

Душа моя, как птица,
Живет в лесной глуши,
И больше не родится
На свет такой души.
По лесу треск и скрежет:
У нашего села
Под ноги ели режет
Железный змей-пила.
Сожгут их в тяжких горнах,
Как грешных, сунут в ад,
А сколько бы просторных
Настроить можно хат!

(«Душа моя, как птица...» (1924) (Клычков 1991: 139)

Маяковский критикует «очень деревенские» (Маяковский 1959: 93) ранние стихи С. Есенина, создавшего устрашающий образ «железного гостя». В своем творчестве Есенин прошел через неприятие разрушительного влияния современной цивилизации («Со-

рокоуст» (1920)), присущую «крестьянину» убежденность в том, что город, надвигаясь на деревню, в конце концов, уничтожит ее:

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце

(Есенин 1990: 159).

Однако после событий революции и посещения Америки, а также в результате стремления Есенина «влиться» в современность, его решение проблемы отношений города (цивилизации) и деревни (естественного, природы) изменилось. Настолько, что Маяковский пригласил его в Леф (об этом факте вспоминает Н. Асеев (Асеев 1961: 300)). Уже в «Письме деду» (1924) Есенин выступает за «стальную кобылу» (паровоз), убеждая старика-крестьянина прибегнуть к ее помощи, чтобы повидать внука-горожанина:

... садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили

(Есенин 1990: 267).

Однако стоит различать восторженное отношение послеоктябрьского Маяковского к техницизму, механизму, динамизму современного города, в том числе зарубежного («Стихи об Америке»), любование городской цивилизацией настоящего, в которой начинали воплощаться его самые смелые футуристические мечты, и критическое отношение поэта к западной цивилизации в *духовном* смысле этого слова.

Существует мнение, что проблема противопоставления Востока и Запада как двух противоположных в своей основе цивилизаций не характерна для творчества Маяковского. Так, В.Ф. Земсков в статье «Встречи Маяковского и Есенина» указывает, что в послеоктябрьский период Есенин увлекался «скифством», замыкавшим его «в узконациональные рамки» (Земсков 1964: 360), в то время как Маяковский демонстрирует практически «космополитические» по своей широте взгляды на нации и народы, не отделяя Россию от мирового сообщества:

Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.

(«Революция (Поэтохроника)», 1917) (Маяковский 1955: 139)

Подобные настроения не воспринимал в то время Есенин, который, как вспоминает поэт Н. Полетаев, болезненно выяснял этот вопрос с Маяковским: «Он <Есенин> все приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему: – Россия моя <...>, а ты <...> ты аме-

риконец! Моя Россия! На что сдержанный Маяковский отвечал иронически: – Возьми пожалуйста! Ешь ее с хлебом!» Полетаев 1926: 103).

Однако существуют мнения и противоположного порядка, согласно которым проблема «Восток и Запад» волновала Маяковского всегда, и решалась в пользу восточной по своей сути, соборной русской (а после Октября советской) цивилизации². Это подтверждают и многочисленные произведения поэта.

Маяковский не раз подвергал критике бездуховность западной цивилизации. Германия, развязавшая бесчеловечнейшую Первую Мировую войну, подверглась жесткой критике Маяковского в ряде дооктябрьских произведений («Мама и убитый немцами вечер» (1914), «Война и мир» (1915–1916))³. Антигуманной германской агрессии Маяковский «бросает вызов» («Я и Наполеон» (1915)) и противопоставляет образ «Петрова поручика» – рядового русского воина, «приведенного на убой», «израненного», но не сломленного («Вам!» (1915).

Оппозиция «Россия (Восток) – Германия (Запад)», заявленная в стихотворениях дооктябрьского Маяковского, в каком-то смысле отражает основные положения статьи Вяч. Иванова «Россия, Англия и Азия», написанной в том же, военном, 1915-м году. В статье Вяч. Иванов обнаруживает глубинное сходство двух держав, России и Англии, на том основании, что они суть «державы азиатские», поскольку «для обеих Азия естественная цель и арена всего будущего исторического действия» (Иванов 1918: 27). Но Россия и Англия, будучи в своей основе азиатскими державами, по мысли Иванова, все же не та же Азия, что и Китай: «Стена, которую Европа может противопоставить желтой опасности – Китаю, должна быть живой стеной двуединой белой азиатской державы» (Иванов 1918: 27). Так же, как причудливо в сознании мыслителя соединяются понятия «Азия» и «Англия» (Россия всегда традиционно относилась к Евразии), в статье соединяются понятия «Китай» и «Германия» как объекты для русско-английской атаки: «Между германским духом и китайским есть глубинное <...> сходство <...> в аналогиях <...> мировосприятия, как основного тона отношения к жизни: в общности тяготения к субъективному идеализму и идеалистическому нормативизму. Недаром проницательный Ницше обозвал Канта кенигсбергским китайцем. <...> Только в Германии, да еще в Китае, народное сознание есть сознание муравейника: общественный биологический разум. <...> Наступает время, когда борьба с Германией естественно переносится в Азию» (Иванов 1918: 27–28). Правда, в отличие от Маяковского, противопоставившего милитаристской Германии образ окровавленной России как призыв к гуманности, Вяч. Иванов призывает Англию и Россию на борьбу с «китайской» по своей сути Германией в целях «свободного воссоединения древней азиатской души с действующей на всемирно-историческом поприще душою грядущего христианского человечества» (Иванов 1918: 29), т.е. ради обращения «азиатской», дикой Германии в истинное христианство.

«Я» Маяковского часто обоснованно отождествляли с «мы». Подобную тенденцию к гиперболизации своего «я» до уровня коллектива и, в то же время, к слиянию личного «я» с общественным «мы» в поэзии как Маяковского, так и многих других русских поэтов, Вяч. Иванов объясняет в своей статье «Духовный лик славянства». Он считает это закономерным проявлением такой свойственной славянам черты, как *соборность* (Иванов 1985: 205). В другой статье – «Легион и соборность» (1916) – Вяч. Иванов уточняет это

² Так, М. Горький писал о Маяковском как о типично русском по сути своей: «Маяковский, поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе ярко выраженное русское национальное начало» (Цит. по: Советские поэты о Маяковском 1976: 19).

³ После Октября тональность стихов Маяковского о Германии изменится: «Сегодня / хожу / по твоей земле, Германия, / и моя любовь к тебе / расцветает романнее и романнее» («Германия», 1922–1923). Представшая перед глазами поэта «нищая Германия» способна вызвать лишь сочувствие: «Нищая Германия, / позволь / мне, / как немцу, / как собственному сыну, / за тебя твою распеснить боль» (Маяковский 1957а: 49–50).

понятие. Соборность русского человека, по мысли Иванова, не предполагает обезличения каждого в отдельности. Множеству, связанному соборностью, присущи «духовное общение и собранный дух»: «Идеал соборности есть <...> идеал такого соединения, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определяются в своей <...> неповторимой <...> сущности, своей целокупной творческой свободе» (Иванов 1918: 45). В идеале славянская соборность, как «верховная ступень человеческого общежития», рассуждает Иванов, станет залогом величия России: «Мы соберемся в истинной соборности и ею восставим в мире свое вселенское слово» (Иванов 1918: 46).

В противоположность России, в Германии процветает «множество, не связанное соборностью <...> которое носит – согласно евангельскому повествованию – имя: “Легион, ибо нас много”» (Иванов 1918: 44). Немецкий легион характеризуется чертами, противоположными русской соборности и подтверждающими антигуманный, бездуховный характер германской цивилизации: «В Германии больше не “мечтают” и не “заблуждаются”. Не “спасаются – каждый на свой лад”, не мятежатся против власти целого и его сверхличного биологического разума, забыли о “единственном”» (Иванов 1918: 38). Вследствие названных причин, делает вывод Иванов, германскому легиону, управляемому собирательным мозгом, угрожающим воплотиться в подобие зверя, несмотря на то, что он обладает в настоящий исторический период «великою силою», суждено погибнуть, – ибо по сути он перестает быть человеческим образованием.

В 1925-м г. Маяковский побывал во Франции, следствием чего явилось появление ряда «французских» стихотворений, в которых западная цивилизация также подверглась критике. Этторе Ло Гатто вспоминал, что Маяковский, будучи во Франции, «в “La rotonde” оскорблял <...> “загнивший Запад”, “буржуазную культуру”, выражая сожаление, что нельзя превратить слишком сумрачный Notre Dame в рабочий клуб» (Этторе Ло Гатто 1992: 115). Европейская цивилизация осознается Маяковским как чуждая, противоположная по мироощущению русскому человеку:

Но нож
и Париж,
и Брюссель,
и Льеж –
тому,
кто, как я, обрусели.
Сейчас бы
в сани
с ногами –
в снегу,
как в газетном листе б...

(«Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 198)

Поэт восхищен красотой французской столицы («Площадь / красивой / и тысяч / дам-болонок. / Эта площадь / оправдала б / каждый город. / Если б был я / Вандомская колонна, / я б женился / на Place de la Conkorde» («Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 202), динамикой Парижа («В огне / жуками / всех систем / жужжат / автомобили. / Горит вода, / земля горит, / горит / асфальт / до жжения, / как будто / зубрят / фонари / таблицу умножения» («Еду», 1925) (Маяковский 1957а: 202). Однако внешняя красота и расцвет технической цивилизации не могут укрыть от взгляда поэта-полпреда советской страны социальные болезни французского общества. Критике поэта подвергается несправедливый общественный строй («Версаль. / Возглас первый: / «Хорошо жили стервы!» / Дворцы / на тыщи спален и зал – / и в каждой / и стол / и кровать. / Таких / вторых / и построить нельзя – / хоть целую жизнь / воровать!» («Версаль», 1925) (Маяковский 1957а: 215–216), коммерциализация французского общества, затмившая святыни отечественной истории

(«Войной обагрённые / руки / умыв / и красные / шансы / взвесив, / коммерцию / новую / вбили в умы – / хотят / спекулировать на Жоресе» («Жорес», 1925) (Маяковский 1957а: 219). Тем удивительнее попытка представить «буржуазные удовольствия», которые могла предложить поэту Франция, привлекательными для него, предпринятая в статье Чарльза Мозера «Несентиментальные путешествия Маяковского», опубликованной в «American Slavic and East European Review» в феврале 1960 г. «К концу жизни Маяковского, – пишет Мозер, – буржуазные удовольствия стали для него более привлекательными, как это видно из поэмы “Красавицы” (1929 г.), где он признается, что “размяк характер и что все французские женщины в Гранд-опера кажутся ему хорошенькими”» (Цит. по: Перцов 1961: 612). Мозер имеет в виду стихотворение Маяковского «Красавицы (Раздумье на открытии Grand Opéra)» (1929), в котором, действительно, поэт рисует шикарный портрет парижанки. Однако, как справедливо замечает В. Перцов, американский критик «не почувствовал великолепной иронии Маяковского, пронизывающей все стихотворение» (Перцов 1961: 612):

Брошки – блещут...
на тебе! –
с платья
с полуголого.
Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голову

(Маяковский 1958: 67).

«Поэт крепко стоит своим искусством на почве утверждения советского образа жизни и отрицания, как выражается Чарльз Мозер, “буржуазных удовольствий”», – заключает В. Перцов (Перцов 1961: 612).

Процессы, обрисованные Маяковским в стихотворениях, посвященных Германии и Франции (победа бездуховности над нравственностью, развитой машинной и городской цивилизации над природой, торжество духа практицизма и коммерциализации, отсутствие социальной справедливости, разобщенность людей, давшая право Вяч. Иванову определить немецкое общество как «легион»), находят свое воплощение в книге Освальда Шпенглера «Закат Европы» как обоснование причин грядущей гибели западной цивилизации. Шпенглер ставит своей задачей «проследить дальнейшие судьбы <...> культуры Западной Европы» и приходит к выводу, что «падение Запада является, подобно аналогичному ему падению античного мира», неизбежным (Шпенглер 1998: 36). Шпенглер считает, что падение Запада произойдет вследствие победы цивилизации над культурой. Победа эта не случайна, а представляет собой «логическое завершение и исход культуры. <...> Неизбежная судьба культуры <...> те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как <...> смерть за жизнью, <...> как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством» (Шпенглер 1998: 74). Далее в книге в качестве признаков конца цивилизации Запада появляются такие, обнаруживающие себя и в стихах Маяковского о Германии и Франции, понятия, как «вместо мира – *город*⁴, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь <...>, вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, *житель большого города*, человек <...> растворяющийся в бесформенной *массе*» (Шпенглер 1998: 75). «Франция и Англия, – заключает Шпенглер о неизбежности “заката Европы”, – уже сделали этот шаг. Германия готовится его сделать» (Шпенглер 1998: 75).

⁴ Курсив далее в цитате везде мой – О.К.

Подобные размышлениям Вяч. Иванова («Россия, Англия и Азия», «Легион и соборность») и О. Шпенглера («Закат Европы») положения обнаруживаем и в статье М. Волошина «Предвестия Великой революции» (1906). Обращаясь к проблеме «Восток и Запад», М. Волошин, как Вяч. Иванов и О. Шпенглер, приходит к выводу, что западный «мир подходит к концу» (Волошин 1995: 254). В качестве подтверждения своих слов Волошин приводит пророчество Лактанция – богослова и философа из Северной Африки, жившего около 250–325 гг. н.э.: «Меч пройдет по миру и пожнет жатву. Имя Рима будет стерто с лица Земли. <...> Снова власть вернется на Восток, Азия снова будет править, а Европа будет рабой»⁵. Также Волошин приводит цитату из «Преступления и наказания» Достоевского (бред Раскольникова в Сибири о трихинах, завоевывающих мир, слова Св. Киприана о конце света и стихотворение Вл. Соловьева «Панмонголизм» (1894), которые дают ему повод увидеть предвестия конца европейской цивилизации в настоящем, а именно в произошедшей первой русской революции: «Пророчество Достоевского оставалось для нас невятным, пока мы не ступили на самый порог ужаса. <...> В пророчестве Достоевского чувствуется именно эта катастрофа: новое крещение человечества огнем безумия» (Волошин 1995: 255–256). По мысли Волошина, именно такие, «сошедшие с ума» и возомнившие себя Богом, люди и совершили революцию⁶, которая станет концом человеческой цивилизации вообще.

Процессы, предвещающие гибель бездуховной западноевропейской цивилизации, Маяковский обнаруживает и в Америке, которую посещает в 1925–1926 гг. Вследствие визита поэта в Америку появляется стихотворный цикл «Стихи об Америке» (1925–1926), на который мы ссылались в разговоре о восхищении послеоктябрьского Маяковского механицизмом современного города. Однако, помимо восторга технически совершенной цивилизацией Америки, стихи Маяковского об этой стране содержат в себе и критику в адрес тех «язв» американского общества, которые поэт обнаруживал и в Европе. Это все та же социальная несправедливость («Барышня и Вульворт» (1925), «Небоскреб в разрезе» (1925)), бросающаяся в глаза пропасть между внешней, «парадной» красотой и истинно бедственным положением беднейших слоев американского общества:

Видишь –
 вон
 выгребают мусор –
 на обедах
 с детьми пронянчиться,
 чтоб в авто,
 обгоняя «бусы»,
 ко дворцам
 неслись бриллиантщицы
 («Порядочный гражданин», 1925)
 (Маяковский 1957b: 70)

К этим, вполне «европейским», язвам добавляется критика в адрес характерной для Америки начала XX в. эксплуатации афроамериканцев, колониальной политики и расизма («Блек энд уайт» (1925), «Сифилис» (1926)). Именно поэтому лирический герой стихов Маяковского об Америке, не скрывая – «я в восторге / от Нью-Йорка города», – заявляет о своем нравственном превосходстве как превосходстве советского человека – гражданина пусть пока еще «страны-подростка», но с большим духовным потенциалом и светлым будущим, которое вряд ли ожидает «прогнившую» западную цивилизацию:

⁵ Волошин цитирует Лактанция по изд-ю: Лактанций. Творения. СПб., 1848.

⁶ На место Бога встает и лирический герой раннего Маяковского – О.К.

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока
(«Бродвей», 1925)
(Маяковский 1957b: 57)

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский К.* 1991. О Н. Клюеве: факты и мифы // Клюев Н.А. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост. и подгот. текста К. Азадовского. М.: Худ. лит-ра, 3–26.
- Асеев Н.* 1961. Зачем и кому нужна поэзия. М.: Советский писатель.
- Волошин М.* 1995. Жизнь – бесконечное познание. Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. М.: Педагогика-Пресс.
- Есенин С.* 1990. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А.М. Марченко, сост. и примеч. В.П. Гарнина. Л.: Советский писатель.
- Земсков В.Ф.* 1964. Встречи Маяковского и Есенина // Маяковский и советская литература. Статьи, публикации, материалы и сообщения. М.: Наука, 351–371.
- Иванов Вяч.* 1918. Родное и Вселенское. Статьи. 1914–1916. 1917. М.: Изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова.
- Иванов В.* 1985. Эссе, статьи, переводы. Bruxelles.
- Иванюшина И.Ю.* 1992. Творчество В.В. Маяковского как феномен утопического сознания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород.
- Клычков С.А.* 1991. Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. С.И. Субботина. М.: Советская Россия.
- Клюев Н.А., Клычков С.А., Орешин П.В.* 1999. Сборник. Стихи / Вступ. ст. канд. филол. наук А.И. Михайлова. М.: МИД «Синергия».
- Култышева О.М.* 2005. В. Маяковский и литературные группы и объединения 1910–1920-х годов. М.: МГОУ.
- Литературные манифесты: От символизма к Октябрю. 1929 / Бродский Н.И., Львов-Рогачевский В.Л., Сидоров Н.П. (сост.). 2-е изд. М.: Федерация.
- Мандельштам О.Э.* 1991. Избранное: В 2 т. Т. 2 / Сост., автор предисл. и коммент. П.М. Нерлер. М.: СП Интерпринт.
- Маяковский В.В.* 1955. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1957a. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1957b. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1958. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1959. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12. М.: Гослитиздат.
- Маяковский В.В.* 1978a. Собр. соч.: В XII т. Т. I. М.: Правда.
- Маяковский В.В.* 1978b. Собр. соч.: В XII т. Т. XI. М.: Правда.
- Перцов В.О.* 1961. Писатель и новая действительность. М.: Советский писатель.
- Полетаев Н.Г.* 1986. Есенин за восемь лет // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 100–113.
- Спиридонова (Евстигнеева) Л.А.* 1977. Русская сатирическая литература нач. XX в. М.: Наука.
- Советские поэты о Маяковском: Сб. стихов и высказываний. 1976 / Макаров В.В. (сост.). М.: Советский писатель.
- Шпенглер О.* 1998. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс.
- Этторе Ло Гатто.* 1992. Мои встречи с Россией. М.: Изд-во «Круг».